

Желда

600-ЛЕТИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Д. С. Лихачев,
академик

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И СРАЖЕНИЕ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ ЗА ДОНОМ

Победа на Куликовом поле потребовала неслыханного напряжения духовных сил всей русской страны.

Она потребовала решительного перехода от унылой покорности иноземному игу к сознанию необходимости с оружием в руках бороться за свою национальную самостоятельность.

Она потребовала возобновления чувства национального единства всего населения Руси.

Она потребовала нового отношения к своему прошлому, подъема исторического, а не только национального самосознания и возвращения к традициям Киевской Руси — традициям национальной независимости.

Она потребовала нового отношения к чисто человеческим достоинствам личности: человек стал цениться не только по своему положению на лестнице феодальной иерархии, но и за свою неподкупность, мужество, патриотизм, способность к самопожертвованию ради высоких идеалов. Внутренний мир человека стал привлекать к себе внимание большее, чем его положение в мире внешнем.

Победу и освобождение от чужеземного господства могли обеспечить не только поднявшиеся материальные ресурсы страны, но и ее духовное, нравственное возрождение. Куликовская победа была не в меньшей мере победой новых идей и новых моральных сил, чем победой оружия и военной организованности.

Однако и в противном лагере, в лагере Золотой Орды, должна была создаться ситуация, ослабившая ее изнутри и окончательно дискредитировавшая ее властвование.

Обратимся прежде всего к тому, что делало чужеземное владычество на Руси при всем его внешнем военном могуществе внутренне слабым.

Ханская власть на Руси не была властью одной какой-либо национальности. В начале XIII века государство Чингисхана, а потом Батыея, покорившее себе Русь, образовалось еще до того, как в его пределах появились нации и национальности. Это кочевое государство объединяло различные племена, связанные между собой общностью военных интересов, стремлением захватить добычу, получать дань с покоренных народов.

Когда «татары», как называли их русские летописи и былины, появились на границах Руси, летописцы правильно писали: «Никто их

хорошо не знает: кто они такие, откуда они пришли, что они за народ и какого они племени», а затем с сомнением передавали на этот счет различные слухи. «Татары» Чингисхана и Батыя не были национально едины. Мало общего они имели и с теми «татарами», которым передали свое имя в XVI веке. Завоеватели, пришедшие в XIII веке с Батыем, постепенно растворились в кыпчакской степной среде, да и впоследствии войско ханов было многоплеменным, и состав его не был постоянным. Ханы мобилизовали в свое войско жителей покоренных ими стран.

С установлением чужеземного ига началось отставание и социального, и культурного развития Руси. Это и понятно: люди думали по преимуществу о самосохранении. Летописец пишет, что даже «хлеб не шел в рот от страха».

Отставание от исторически закономерного развития охватило не только покоренных, но и самих покорителей. Их развитие не могло происходить нормально. Чужое, награбленное и даровое богатство не шло впрок. Оно не стимулировало труда — подлинную основу социального и культурного движения вперед. Характерно, что перед своим походом на Русь, приведшим к его полному поражению на Куликовом поле, хан Мамай самонадеянно разослал приказ по улусам не сеять хлеб: будем, мол, осенью на русских хлебах.

Поэтому свержение ига было необходимо для народов всей Восточной Европы, а для народов Южной Европы оно знаменовало собой общую надежду на грядущее освобождение из-под «ига ущербной луны».

Куликовская победа не означала полного уничтожения ига, но, как мы увидим, привела к резкому перелому в самом характере золотоордынского властвования на Руси и сделала несомненным для всех грядущее полное освобождение от национального порабощения.

Ханская власть стремилась разделять и властвовать, натравливать русских князей друг на друга. Однако Москва, вопреки намерениям Орды, постепенно становилась объединяющим центром Руси. Этому способствовали многие условия: и удачное расположение Москвы на скрещении торговых дорог в некотором удалении от Золотой Орды, и политическая энергия и дипломатическая изворотливость московских князей. Некоторое время роль объединителя Руси колебалась между Москвой и Тверью, но в конце концов Москва вышла победительницей. Она стала центром складывающейся великорусской народности.

Орда в это время обладала огромными пространствами и неисчислимыми людскими ресурсами. Она владела и Крымом на юге, и устьем Сырдарьи на востоке. Но, как и всякое военное государство, не имела надежной экономической основы и не была национально единым. В середине и второй половине XIV века Орда сама раздиралась внутренними усобицами. То, в чем она видела надежный залог своего владычества на Руси, — отсутствие политического единства, — это-то и поразило ее саму, изнутри подтачивало ее силы.

15 июня 1389 года войско сербского князя Лазаря потерпело страшное поражение на Косовом поле. Несмотря на мужественное сопротивление, Сербия превратилась в вассала Турции. В 1393 году Турецкая империя уничтожила болгарское Тырновское царство, а в 1396 году — Видинское. И это произошло в тот период, когда и Сербия, и Болгария переживали огромный культурный подъем, когда искусство обогащалось новыми предвозрожденческими принципами, а в литературе появилась и расцвела Тырновская литературная школа.

К счастью для Руси и для южнославянской культуры, в течение всей середины и второй половины XIV века Русь явилась хранительницей письменного наследия славянства, и здесь, на Руси, происходил аналогичный подъем культуры, что и в южнославянских странах. На Руси рука об руку с русскими книжниками, с русскими зодчими и живопис-

цами в это время работают болгарские, сербские и византийские мастера. Сюда, на Русь, устремляются спасающиеся от османского ига книжники и художники, переносятся книжные богатства, формируется не только русское национальное самосознание, но и сознание славянской общности.

Куликовская победа пришла на гребне этого культурного подъема и сама явилась новым толчком к дальнейшему росту культуры и национального самосознания.

Какие же явления русской культуры XIV века позволяют говорить не только о ее подъеме, но и о том, что Русь как бы внутренне готовилась сбросить с себя чужеземное иго?

Прежде всего отметим возобновившиеся связи с Византией и южнославянскими странами — Болгарией и Сербией. Русь прорывает тот идеологический и культурный кордон, который естественно отделил ее от других стран в результате Батыева завоевания.

Восстановившееся в XIV веке общение Руси с балканскими странами еще ждет своих исследователей. Оно давно отмечено в области письменности, отмечалось, но недостаточно изучено в области изобразительных искусств и совсем мало исследовано во всех остальных областях культуры.

Общение русских с греками и южными славянами осуществлялось многими путями. Во второй половине XIV века в Константинополе и на Афоне существовали целые колонии русских, живших в монастырях и занимавшихся списыванием книг, переводами, сличением иностранных богослужебных книг с русскими. Сохранился ряд рукописей, выполненных русскими книжниками в монастырях Афона, Константинополя и Болгарии. С другой стороны, греки, болгары и сербы переселяются в Новгород, Москву и другие русские города. Эти переселения особенно усиливаются под влиянием вторжения турок на Балканский полуостров.

Среди ученых — выходцев из южнославянских стран были и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан (болгарин), Григорий Цамблак (болгарин), Пахомий Логофет (серб), Аникита Лев Филолог (серб). Все они сыграли выдающуюся роль в развитии русской литературы XIV—XV веков.

Возрождение русской образованности, особенно в связи с общением со странами Балканского полуострова, идет настолько быстро, что и она в свою очередь начинает оказывать влияние на южнославянские страны. Уже монах Хиландарского монастыря на Афоне серб Доментиан подражает русскому писателю начала XI века митрополиту Иллариону, а южнославянский филолог Константин Костенческий в своем известном сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и сообразует с ним свои правила орфографии.

Кстати, сама реформа правописания XIV века, охватившая Сербию, Болгарию и Россию, в высокой степени способствовала единению южнославянской и восточнославянской письменности.

С изменениями в области орфографии и даже самого литературного языка южных и восточных славян связано также появление в России перенесенного из южнославянских стран стиля «плетения словес» — особого панегирического литературного стиля, возникшего в Болгарии в эпоху расцвета Тырновской литературной школы во второй половине XIV века и устойчиво сохранявшегося затем в России вплоть до XVII века. Стиль этот позволял эмоционально и торжественно описывать подвиги святых и воинов, способствовал передаче настроений национального подъема. Переписчики, переводчики и писатели работают в это время с огромным усердием, создают новые рукописи, новые переводы, развивают новый стиль в литературе. Они словно торопятся заменить новой письменностью всю старую, которая в каких-то отно-

шениях перестала удовлетворять новым повышенным требованиям. Резкое отличие новых рукописей от старых по почерку, орнаменту, орфографии и стилю способствует распространению новой письменности и создает чувство неудовлетворенности старой. Происходит огромное пополнение состава библиотек, и создаются новые сборники для личного, келейного, индивидуального чтения.

Южнославянское и византийское влияние в области письменности важно сопоставить с византийским и южнославянским влиянием в области искусства.

Около 1338 года гречин Исая «с други» (то есть с товарищами) расписал новгородскую церковь Входа в Иерусалим. В 1334 году греческие художники работали у митрополита Феогноста в Москве, расписывая Успенский и Архангельский соборы. В 1345 году в Москве работал грек Гойтан с учениками, расписывая церковь Спаса на Бору. Многочисленные свидетельства говорят о привозе в это же время греческих икон.

В 1378 году великий художник Феофан Грек расписывает Спасо-Преображенскую церковь на Ильине улице в Новгороде. В год Куликовской битвы сербские мастера расписывают церковь Спаса на Ковалева в Новгороде. После Куликовской победы Феофан Грек работает в Москве, Нижнем и других городах.

Но наряду с Феофаном Греком в то же время появляются и русские по происхождению художники не меньшей, а и большей значительности: Андрей Рублев, старец Прохор с Городца, Симон Черный и многие другие.

Живопись, особенно монументальная (настенная), набирает силу, усиленно передает движение, человеческую психологию, душевные порывы, она отражает героические темы и темы семейной жизни.

Характерна и еще одна особенность серьезного интереса на Руси к византийскому искусству. В XIV веке в Новгороде создаются своеобразные путеводители по Константинополю: «Странник» знатного новгородца Стефана, «Сказание о Царьграде», «Беседа о святынях Царьграда». Новгородские путешественники в Царьграде прежде всего описывают памятники искусства и делают это настолько тщательно, что описания эти представляют собой в настоящее время немалую помощь в археологическом исследовании Константинополя. Эти описания сделаны бесспорными ценителями искусства, профессиональными мастерами.

Лучшие описания памятника императору Юстиниану, впоследствии разрушенного турками, принадлежат новгородским путешественникам. Эти описания поражают экспрессией, умением понять замысел художника, уловить динамику памятника. Стефан Новгородец пишет: «Тут (тут — около храма Софии.— Д. Л.) стоять столп чюден вельми толстотою и высотой и красотою. Из далеча с моря видети его. И на верх его седить Юстиниан Великы на коне велми чюден, аки жив, в доспесе сороцинском, грозно видети его, а в руке яблоко злато велико, а во яблоце крест, а правую руку от себе простер буйно на полъдни (на юг.— Д. Л.), на Сороциньскую (Арабскую.— Д. Л.) землю к Иерусалиму». В этом лаконичном описании памятника дано и общее впечатление от него («грозно видети его»), и правильно определен его замысел («правую руку от себе простер буйно на полъдни, на Сороциньскую землю к Иерусалиму»), определен и непривычный для новгородца реализм («аки жив»), отмечены и такие специальные детали, как сарацинский доспех на Юстиниане.

В другом новгородском описании Константинополя — в «Сказании о Царьграде» добавлены такие детали, которых нет ни в одном западноевропейском его описании и изображении: «А противу ему 3 цари поганы тако ж медяны и на столпех,— колена поклонили царю Устини-

ану и города свои предают ему в руке. Тако рекл Устинань царь: „вся земля Сорочиньская под моею рукою“».

Подробно описывают новгородцы храмы Софии, Влахернский, Студийский монастырь, отдельные предметы, водопровод в банях императора Константина, императорский стадион («игрище»), гавань. Отмечают новгородцы и варварские разрушения, причиненные Константинополю крестоносцами.

Для русской культуры XIV века, а отчасти и последующего времени характерно, однако, не только то, что она разорвала вокруг себя кольцо культурной замкнутости, вступила в круг культур других стран — по преимуществу юго-восточной Европы. Вторая, не менее важная черта русской культуры этого времени — это обращение к собственной старине, поиски опоры в домонгольской старине, в эпохе национальной независимости, в «своей античности».

Вторая половина XIV — начало XV века, то есть время, предшествовавшее Куликовской битве, и время, непосредственно следовавшее за ней, характеризуются повышенным интересом к домонгольской культуре Руси, к старому Киеву, к старым Владимиру и Суздалью, к старому Новгороду.

В области политической мысли Москва претендует на все политическое наследие Киева и Владимира Залесского. В области летописания Тверь, Москва, Нижний Новгород и Ростов продолжают традиции киевского летописания: в начало их летописей кладется киевская «Повесть временных лет», русская история современная воспринимается как непосредственное продолжение домонгольской — киевской, татары отождествляются в летописи с половцами, призывы киевской летописи к объединению Руси и борьбе со степью воспринимаются как призывы к борьбе с татарским игом. В подражание «Слову о полку Игореве» и как своеобразный ответ на него создается «Задонщина». Литературными реминисценциями произведений домонгольской поры пользуются авторы и других произведений — «Похвальное Слово тверскому князю Борису Александровичу» инока Фомы, «Похвала Стефану Пермскому», «Слово похвальное Дмитрию Донскому», «Повесть о разорении Рязани Батыем», отдельные рассказы московской летописи и т. д. Поэтому обращение автора к «Слову о полку Игореве» отнюдь не является чем-то исключительным для своего времени.

С княжения Дмитрия Донского начинается усиленный интерес также и к памятникам домонгольской Руси — в частности, к памятникам владимирского зодчества. Москва в своем каменном зодчестве продолжает домонгольские традиции Владимира Залесского. В княжение сына Дмитрия Донского — Василия Дмитриевича — открывается первая в русской истории эпоха архитектурных реставраций и реставраций памятников монументальной живописи. В 1403 году обновляется древний собор в Переяславле Залесском. В 1408 году Андрей Рублев и Даниил Черный по приказу Василия Дмитриевича возобновляют древние росписи владимирского Успенского собора. Полоса этих реставраций тянулась в течение всего XV века. Она захватила Тверь и Ростов. Особенно заметна она была в Новгороде, где с чрезвычайной интенсивностью восстанавливались в начале XV века «на старой основе» архитектурные сооружения эпохи национальной независимости и расцвета новгородского могущества.

Идеи обращения ко времени национальной независимости, сказавшиеся и в письменности, и в живописи, и в архитектуре, и в политике, имели глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, где эти идеи сказались в полной мере. В самом деле, есть все основания полагать, что объединение русского былевого эпоса в единый киевский цикл с князем Владимиром Красным Солнышком завершилось не позднее середины XV века. Присоединение к киевским были-

нам сказаний рязанских, тверских, муромских и ростовских не могло совершиться до объединения этих областей в единое русское государство. Но создание этого киевского цикла с князем Владимиром во главе не могло произойти и после присоединения Новгорода к Москве в конце XV века, так как новгородские былины остались без той объединяющей личности, которую получили былины киевского цикла. Новгородские былины не слились в единый цикл с общерусским эпосом. Следовательно, киевский цикл не мог образоваться и позднее 1478 года — года воссоединения Новгорода и Москвы. Подобно тому как против Мамаю выступили все русские княжества, за исключением Новгородского, и все русские былины объединились в единый цикл именно в XIV — начале XV века.

Косвенное указание на время расцвета русского былинного эпоса и создания киевского цикла былин дает московский летописный свод митрополита Фотия 1418 года, в который были включены отражения различных былин этого цикла. Сюда была внесена вставка о гибели богатырей в битве на Калке — Александра Поповича, слуги его Торопа, Добрыни Рязанича Золотого Пояса и с ним семидесяти великих и храбрых богатырей. Отсюда видно, что объединение местных областных сказаний в единый киевский цикл вокруг князя Владимира совершилось в былинах на почве того же культа Киева и его князя Владимира, который заставлял москвичей на рубеже XIV—XV веков восстанавливать домонгольские здания, реставрировать домонгольскую живопись, подновлять и давать новые редакции произведениям Киевской Руси, возводить генеалогию московских князей к «старому Владимиру», искать возмездия за поражение на Каяле Игоря Святославича и т. д.

Былины идеализировали события и богатырей, которые были дороги для народного самосознания. Князь Владимир в этот период (в отличие от следующих веков) стал представителем всего русского народа, как Карл Великий во французском эпосе — представителем всей милой Франции.

Неслыханное упорство, которое проявили русские княжеские дружины и народное ополчение на Куликовом поле, выдержка засадного полка, выступившего против врагов из дубравы как раз в нужный момент, включение в войско Дмитрия даже двух монахов, которые по церковным установлениям не могли сражаться с оружием в руках, — все это свидетельствует о необычайном подъеме духа, который обеспечил победу на Дону.

Проснувшееся национальное и историческое самосознание, охватившее и русское войско, и русские княжества в целом, общий подъем русской культуры позволили объединиться вокруг Москвы и ее князя — Дмитрия Ивановича.

И хотя всего лишь через два года хан Тохтамыш напал на Москву и захватил ее — конец чужеземного ига был в сознании народа неизбежен.

Отношения с Ордой коренным образом изменились. Русские князья Москвы сами передавали по наследству титул великого князя. От систематической эксплуатации русских земель Орда перешла к террору, к внезапным набегам, к обложению контрибуцией и не могла рассчитывать на беспрекословное подчинение, как раньше. А через сто лет, в 1480 году, великий князь Иван III, принимая ордынских послов, бросил на землю золотую басму, знак их полномочий, и растоптал.

Так рухнуло татарское иго.